

Ввиду того что в современных языках в большинстве случаев мы находим позиционно обусловленные варианты фонем, не очень убедительным выглядит их отсутствие в протоенисейском. Автор реконструирует протоенисейское *b, которое в большинстве современных языков в ауслауте оглушилось и лишь в пумпокольском сохранило звонкость. Но реконструкция произведена всего на двух примерах чередования b/p в ауслауте и инлауте кетского и югского языков (кет. op/obaŋ — 'отец', с. 202, кет. ap//aba — 'мой', с. 201) и сохранения в ауслауте пумпокольского, что не является строгим доказательством. Слово 'спина' (с. 146) как раз противоречит предложенной реконструкции (в югском xɬi — at вместо ожидаемого xobaŋ, в пумпокольском kolpaŋ).

Сказанное несколько не умаляет достоинство реконструкции, которая заслуживает самой высокой оценки и в дальнейшем может потребовать лишь незначительных корректив.

Переходя ко второй части статьи, сразу следует отметить, что результаты ее выходят за рамки повседневных научных событий. Если прежде кетский язык считался генетически изолированным, а его внешние связи носили гипотетический характер, то теперь вопрос о принадлежности этого языка к северокавказской семье впервые поставлен серьезно. С. А. Старостин не является автором гипотезы о связях енисейских и северокавказских языков, но он близок к доказательству их родства. Сам автор предпочитает более нейтральное выражение — «внешние связи»; между тем, на наш взгляд, речь может идти именно о генетическом родстве, а не о контактных связях. Об этом свидетельствуют списки отождествленной лексики. В каждой из семантических групп, на которые можно разбить представленный автором материал, имеются такие важные для доказательства генетического родства, практически не подверженные заимствованиям слова, как 'луна', 'ветер', 'земля', 'дорога', 'гора', 'вода', 'глаз' и т. д. Некоторые слова, хотя в принципе и подвержены заимствованиям, в совокупности с основной, устойчивой лексикой должны расцениваться как генетически родственные. Из терминов культуры мы находим в списке лишь самые элементарные. Автор привел только имена и местоимения, так что общее число отождествленных элементов значительно больше. Совсем немногие из предлагаемых отождествлений можно было бы отвергнуть по семантическим соображениям. Некоторые лексемы носят звукоподражательный или слишком универсальный с фонетической точки зрения характер и поэтому не могут считаться надежными, но число их невелико. В списках енисейско-северокавказских соответствий приводятся также отдельные синотибетские, а иногда и ностратические корни.

Во второй лингвистической статье, написанной Е. А. Хелимским, рассматриваются лексические связи кетского языка с уральскими. Автор дает 64 новых отождествления кетских слов со словами различных уральских языков, в большинстве селькупского и 6 отождествлений между уральской лексикой и лексикой ныне мертвых енисейских языков. Во многих случаях определено направление заимствования, чему помогла предложенная в предыдущей статье протоенисейская реконструкция. Обе статьи выгодно дополняют одна другую: в одной из них продемонстрированы генетические связи кетской лексики, в другой — контактные. Помимо чисто лингвистических аспектов статья Е. А. Хелимского интересна и с точки зрения культурно-исторических связей кетов с другими народами региона.

Мы надеемся, что эта рецензия дает некоторое представление об исключительном многообразии и важности проблем, рассматриваемых в сборнике. За недостатком места мы смогли затронуть лишь некоторые из них, причем расстановка акцентов диктовалась не столько научной значимостью отдельных работ и их частей, сколько профессиональными интересами рецензентов¹. Читатели сборника, число которых, несомненно, превысит его тираж, смогут сами оценить его по достоинству.

Ю. Е. Березкин, В. И. Гохман, А. Г. Козинцев, А. Б. Спесивовский¹

¹ Антропологическая часть рецензии написана А. Г. Козинцевым, этнографическая — А. Б. Спесивовским, мифологическая — Ю. Е. Березкиным, лингвистическая — В. И. Гохманом.

Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки/Под ред. Р. С. Васильевского. Новосибирск: Наука, 1983. 151 с.

Рецензируемый сборник представляет собой итог совместной работы советских и американских специалистов по проблеме, которая только и может быть решена их общими усилиями. Это доклады, прочитанные на одноименном симпозиуме, организованном в рамках последнего, XIV Тихоокеанского конгресса, проходившего в 1979 г. в Хабаровске. Статьи по докладам разделены на две части, одна из которых озаглавлена «Древние культурные связи», вторая — «Хронология и периодизация». Подразделение это в высшей степени условно, и многие статьи можно было легко переставить из одного раздела в другой, не изменив серьезно структуры сборника. Во втором разделе сборника помещена, в частности, статья В. Е. Медведева о раскопках средневековых чжурчженских курганов в Приамурье, не имеющая непосредственного отношения к его содержанию.

Проблема времени заселения Американского континента человеком уже имеет длительную историю. Оставляя в стороне первые наивные попытки доказать существование человека в Америке уже в раннем четвертичном и даже третичном периоде, принятые в прошлом веке, следует отметить, что история этой проблемы распадается на ряд хронологических периодов, каждый из которых характеризовался своим преобладающим взглядом на степень древности человека в Америке. Если отвлечься от частностей, то таких периодов можно насчитать по меньшей мере три. Первый из них — период классических геологических исследований четвертичных отложений Северной Америки в 1920—1950-х годах, когда древность заселения Америки человеком определялась в 10 000—12 000 лет, т. е. оценивалась как соответствующая самому концу палеолитического времени в Европе. Открытие радиоуглеродного метода датирования и его широкое использование в 1950-х годах отодвинули дату заселения Америки до 20 000—25 000 лет. Древность отдельных находок определялась в 40 000 лет, но это не получило всеобщего признания. Так или иначе, период развития человеческой культуры в Америке удлинился минимум вдвое. Наконец, начиная примерно с конца 60-х годов наметилась критическая тенденция переоценки прежних радиоуглеродных дат в сторону их уменьшения, опирающаяся на очень тщательный отбор образцов для датирования, и древность человека в Америке опять снизилась до 15 000—17 000 лет.

Сейчас мы вступаем или уже вступили в четвертый этап исследований, характерным моментом которого является очередное изменение представлений и резко выраженный оптимизм в оценке самых древних эпох заселения Американского континента человеком, постулирование этого заселения чуть ли не в эпоху нижнего палеолита. В значительной степени это связано с огромным расширением наших знаний о палеолите Сибири и Центральной Азии, с открытием ниже- и среднепалеолитических месторождений в Южной Сибири и Монголии, исследованием очень древних палеолитических комплексов в Восточной Азии и на Японских островах. Рецензируемый сборник — типичное произведение четвертого этапа, ярко иллюстрирующий и достоинства, и недостатки нового подхода, степень его фактической оснащенности и теоретический уровень. При этом оптимистические тенденции проявляются и у советских, и у американских специалистов в более или менее одинаковой степени, хотя они работают с разными материалами и исходят во многих случаях из различных методологических и методических установок.

Не имея возможности рассмотреть все статьи сборника, остановлюсь лишь на тех, которые по содержанию наиболее четко выявляют отмеченные тенденции. Наиболее оптимистические оценки времени первого вступления древнего человека на Американский континент содержатся в статье Г. И. Медведева. Опираясь на свое открытие нижнепалеолитической индустрии в районах Прибайкалья, автор критически разбирает бытующее представление о заселении Америки в эпоху верхнего палеолита и в виде гипотезы предлагает значительно удревить это событие и датировать его 200 000—150 000 лет. Принятие этой гипотезы предполагает, естественно, ожидание дальнейших открытий нижнего палеолита в северных районах Сибири и на территории Северной Америки. Если по отношению к Сибири эти ожидания оправдываются (рецензент имеет в виду первые предварительные сообщения о находках нижнего палеолита в Якутии, сделанных Ю. А. Мочановым), то в Северной Америке нижнепалеолитические памятники еще не открыты. Более того, иногда фигурирующие в американской литературе радиоуглеродные даты в несколько десятков тысяч лет подвергаются все без исключения острой критике и действительно выглядят сомнительными.

Среди американских археологов оптимистическая точка зрения наиболее четко выражена А. Л. Брайеном, признающим отсутствие ясных параллелей американскому инвентарю в сибирских древностях и опирающемуся на факты древних дат для сибирского палеолита. В только что упомянутых материалах точка зрения американского археолога получает дополнительное подтверждение, но и в данном случае остается тот же вопрос: в какой мере сибирский палеолит с его вырисовывающейся сейчас все большей древностью допускает экстраполяцию на американскую территорию? Мало было заселить таежные и тундровые зоны Сибири, нужно было еще преодолеть тысячекилометровые пространства Берингии, чтобы вступить на Американский континент. Поэтому как бы убедительно теоретически ни аргументировалась возможность заселения Америки человеком в эпохи нижнего и верхнего палеолита, вероятность обнаружения прямых материальных доказательств столь раннего заселения ее выглядит весьма гипотетической.

Нельзя не отметить также еще две статьи сборника, которые, с одной стороны, увеличивают нашу информацию о древности азиатского палеолита в ряде районов, где ранее были известны лишь относительно поздние памятники, а с другой, выявляют какие-то евразийские технологические традиции (не отдельные формы, подчеркиваем, а традиции обработки), отдаленно повторяющиеся в американских материалах раннего времени. Речь идет о статье покойного А. П. Окладникова об итогах изучения палеолита Монголии и статье Р. С. Васильевского о левалуазских традициях в технике обработки камня в Сибири и Северной Америке. Подавляющее большинство древнейших памятников Монголии не имеет четкой стратиграфии из-за специфических условий залегания, но автору, опираясь на типологические критерии, удалось выделить разные стадии развития палеолита, в том числе и стадию галечной индустрии. Задача дальнейшего изучения палеолита Монголии — выяснение определенного стратиграфического положения этих типологических исключительно архаических комплексов. Демонстрация широчайшего распространения левалуазской традиции в палеолитических памятниках юга Сибири вместе с попыткой найти ей аналогии в известных сейчас памятниках Северной Америки имеет то же значение косвенной аргументации в пользу относительно древнего

заселения Американского континента человеком. Таким же косвенным аргументом является и осуществленное Т. Сафидзавой краткое описание каменного инвентаря стоянки Хосино на Хонсю, нижние слои которой датируются сейчас 50 000—60 000 лет.

Не менее важная, хотя и более частная по сравнению с уже рассмотренной проблемой — проблема контактов населения северо-востока Азии и северо-запада Америки в географических рамках древней Берингии, включая в них Чукотский полуостров и Аляску. Этому посвящены представленные в сборнике работы Н. Н. Дикова, Р. А. Аккермана, Р. Л. Карлеона, Ф. М. Хоблера и ряда других. Н. Н. Диков ввел в науку новые данные по открытым им палеолитическим местонахождениям юга Чукотки, американские археологи также информируют нас о многих ранее не описанных местонахождениях. Авторы выявляют ряд заслуживающих внимания параллелей в материальной культуре населения Чукотки и Аляски в позднем плейстоцене — раннем голоцене, и параллели эти демонстрируют широкую картину интенсивных контактов населения обоих континентов, среди которого в районе Берингова пролива формировались наиболее ранние протоэскимосские культуры. Таким образом, в этих районах мы сталкиваемся с той миграцией на Американский континент, которая привела в конечном итоге к формированию предков народов, говорящих сейчас на эско-алеутских языках.

Все сказанное выше свидетельствует о серьезном и интересном, хотя и не бесспорном освещении проблемы заселения Америки с историко-культурной точки зрения. Однако не остались без внимания и попытки реконструкции физического типа древнейших насельников Америки. Мы имеем в виду статью Г. К. Тернера об одонтологических вариациях древнего и современного населения Азии и Америки и их экстраполяции на проблему происхождения американского человека. Автор выделяет два одонтологических комплекса, которые назвал синодонтией и сундадонтией. Каждый из них характеризуется определенной морфологической спецификой. Второй из них является, по-видимому, более древним и сформировавшимся в Юго-Восточной Азии, первый — более поздний и сложился, по мнению автора, в Центральной и Восточной Азии. Прослеживая динамику этих комплексов во времени, автор предлагает ряд этногенетических соображений, в частности последовательность расселения разных этнических волн — палеоиндейцев, предков индейцев на-дене и эско-алеутов. Подобная последовательность подтверждается и некоторыми морфологическими данными, но вопрос еще далек, конечно, от окончательного решения.

В целом рецензируемый сборник отражает современный уровень разработки проблем заселения Америки человеком и его истории на протяжении перехода от палеолита к неолиту. Это хороший итог совместной работы советских и американских ученых над одной из кардинальных тем археологической и антропологической наук.

В. П. Алексеев

НАРОДЫ СССР

А. И. Робакидзе. Пути развития грузинской советской этнографии (1922—1982 гг.) Тбилиси: Мецниереба, 1983. 158 с.

В истории науки бывают периоды, когда необходимо обзреть пройденный путь, разобраться в накопленном материале, подвести некоторые итоги. Шесть десятилетий развития грузинской советской этнографии — срок немалый. Поэтому предпринятая А. И. Робакидзе попытка «проследить за основными этапами разработки важнейших проблем этнографии Грузии» (с. 157) представляется весьма актуальной. Правда, подобная попытка — не первая по времени. Можно назвать ряд авторов, которые ставили перед собой аналогичные задачи¹. Однако ограниченные сравнительно небольшим объемом журнальных статей, они, естественно, смогли коснуться лишь главнейших вех в развитии грузинской советской этнографии, опуская по необходимости многие частности и детали. В рецензируемой же книге, содержащей подробный обзор значительного библиографического материала, осуществлен качественно новый подход к проблеме.

А. И. Робакидзе проанализировал огромное число монографий, статей, заметок и других публикаций, в которых аккумулирован 60-летний опыт грузинской советской этнографии. Теперь в руках исследователей есть добротная сводка библиографического материала, к которой можно постоянно обращаться в поисках нужной информации. Правда, сводка не исчерпывающая, об этом предупреждает читателей сам автор (с. 157). Однако все наиболее значительные, этапные труды, которые внесли существенный вклад в развитие грузинской советской этнографии и тем самым определили ее сегодняшнее лицо, нашли отражение в рецензируемой книге. В этом ее несомненная ценность.

Во «Введении» А. И. Робакидзе останавливается на дореволюционном периоде развития грузинской этнографии. К сожалению, этот раздел весьма краток (с. 3—20),

¹ Читая Г. С. Грузинская советская этнография за годы послевоенной сталинской пятилетки. — Сов. этнография (далее — СЭ), 1952, № 3; Итонишвили В. Д. Грузинская советская этнография в 1921—1980 гг. — Мацне, 1981, № 1 (на груз. яз.); его же. Грузинская советская этнография за 60 лет. — СЭ, 1983, № 2.